

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161

Василий Васильевич МИХЕЕВ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
mikheev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-6844-3196

Сергей Александрович ЛУКОНИН

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
Lukonin.SA@rea.ru
ORCID: 0000-0002-8120-0420

Сергей Владимирович ИГНАТЬЕВ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация

К вопросу о перспективах Китая как глобального лидера

АННОТАЦИЯ. В статье представлен авторский взгляд на проблему перспектив Китая как мирового лидера. Предлагается концепция лидерства, подразумевающая выделение основных факторов, таких, как стратегическая мощь, привлекательность политических институтов, способность предоставлять приемлемые идеи и наличие союзников, способствующих комплексному анализу лидерского потенциала страны. Выдвигается предположение, что так называемый «фактор Трампа», под которым подразумевается выход США из Транстихоокеанского партнерства и Парижского соглашения по климату, вызовет в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире спрос на китайское лидерство. Однако в данном случае возникает ряд вопросов: готов ли Китай к этому? Способен

ли он нести большую ответственность перед мировым сообществом? Достаточно ли у него потенциала для этого? Авторы предполагают, что в ближайшие 20–30 лет Китай не станет глобальным лидером, причиной чему являются внутривнутриполитические и внешнеполитические причины.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лидерство, Китай, внешняя политика, «Один пояс, один путь», глобализация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатъев С.В. (2017). Китай – Япония: территориальный конфликт или региональная кооперация. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 152-161. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161

Vasily V. MIKHEEV

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
mikheev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-6844-3196

Sergey A. LUKONIN

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
Lukonin.SA@rea.ru
ORCID: 0000-0002-8120-0420

Sergei V. IGNATEV

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

China and Global Leadership

ABSTRACT. *In this article, the authors evaluates the perspectives of China to become the World's leader. The suggested concept of leadership, which includes such basic factors as the strategical power, attractiveness of political institutions, ability to create ideas and find allies, is aimed to analyze the complex leadership potential of the country. The author believes that the so-called "Trump factor", which explicitly refers to the USA's withdrawal from TPP and the Paris agreement on climate change, will result in a rising demand for the Chinese leadership. However, in this case, there are certain questions to be answered: is China ready for such a leadership? Is it capable of taking such a great responsibility towards the international community? Does it have sufficient potential? The authors claim that during the upcoming 20–30 years China will not become the*

global leader, because of the internal and external political issues.

KEYWORDS: *leadership, China, foreign policy, "One belt, One Road", globalization*

FOR CITATION: Mikheev V.V., Lukonin S. A., Ignatev S.V. (2017). China and global leadership. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 152-161. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161

Прежде чем начинать рассматривать Китай в качестве глобального лидера, стоит обратить внимание на теоретическое содержание самой концепции лидерства, которая содержит в себе несколько основных компонентов. С нашей точки зрения, интерес здесь представляет, собственно, китайский

взгляд на данную проблему. Во-первых, важна стратегическая мощь – то, что в Китае иногда называют «совокупная общественная мощь». Данный компонент подразумевает способность государства оказывать влияние на все сферы международно-политической и экономической жизни, включая военную, политическую, экономическую и гуманитарную области (Jin Canrong, 2014, p. 224). Во-вторых, серьезную роль играет фактор привлекательности политических и экономических институтов, а также идеологических конструкций того или иного государства. В-третьих, немаловажное значение имеет способность страны выдвигать идеи, приемлемые для остального мира. И наконец, четвертый фактор – это наличие у государства союзников в деле осуществления и продвижения политики лидерства.

Дополнительно в концепции лидерства важно учитывать то, какие цели преследует государство при проведении своей политики: доминирование или ответственность. Если государство преследует идею доминирования над другими участниками международных отношений, оно должно отдавать себе отчет в том, что такая политика отталкивает и порождает потребность противодействовать. Идея ответственности, в свою очередь, привлекательна, но сопряжена с рисками торможения реализации собственных интересов и соответствующими национальными потерями.

В 2017 г. тема китайского лидерства становится более актуальной, формальным поводом послужило заявление председателя КНР Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., на котором было сказано о готовности Китая «играть роль лидера глобализации и борьбы с протекционизмом». Данная тема широко обсуждается в китайских СМИ и на

парламентской сессии ВСНП, состоявшейся в марте 2017 г. Все это указывает на то, что лидерские амбиции Китая начинают нарастать (Jin Kai, 2017, p. 192).

Основные причины такого интереса к китайскому лидерству можно свести к внутривнутриполитическим, внешнеполитическим и экономическим факторам.

Внутриполитические причины связаны с приближающимся 19-м съездом КПК, на котором Си, вероятно, попытается упрочить свою власть и стать в действительности «ядром партии». Кроме того, на фоне масштабной борьбы с коррупцией, недовольные и пострадавшие от которой обвиняют Си Цзиньпина в том, что данная кампания приводит к спаду экономики и потере внешних позиций Китая, ему крайне важно показать свою силу. Отсюда Си Цзиньпин стремится использовать внешний фактор, фактор китайского лидерства, в том числе касательно отношений с другими странами в качестве одного из лидеров, а не ведомого игрока, для укрепления своих позиций накануне съезда (Михеев, Луконин, Игнатъев, 2017, с. 23–32).

Внешинополитические мотивы активизации китайской политики просматриваются в так называемом «факторе Трампа». Выход США из Транстихоокеанского партнерства и из Парижского соглашения по климату рождает в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и в мире в целом новый международный спрос на китайское лидерство.

Экономические причины вызваны замедлением китайской экономики, в том числе уменьшением спроса на китайскую продукцию на мировых рынках в условиях «новой нормальности» (Ma Jiantang, 2017, p. 73–78). Учитывая, что маневры китайского правительства в сфере экономики за счет расширения внутреннего спроса не предотвращают общего замедления темпов роста экономики Китая, Пекин осуществляет

переход от экспорта товаров к экспорту капитала. На деле же Китаю продолжают не доверять, а также опасаться его экономической экспансии (Abrami, Kirby, McFarlan, 2014, p. 288). В связи с этим Пекин стремится упростить и сделать более комфортным выход китайского капитала и товаров на ведущие мировые рынки, включая Африку, Латинскую Америку и т.д.

Механизмы осуществления китайского лидерства по своей форме носят глобальный и региональный характер, а по содержанию являются идейно-политическими, экономическими, военными и иными. Прежде всего, стоит обратить внимание на глобальные идейно-политические механизмы (Delisle, Goldstein, 2017, p. 365). Здесь мы не видим от Китая каких-либо прорывов или даже намеков на что-либо такое приемлемое и понятное. Пекин пока не может предложить миру конкретную привлекательную идею, ограничиваясь общими заявлениями о построении «мира с общей судьбой». Серьезным ограничителем этого механизма является неспособность вбросить в мировое сообщество нечто действительно значимое в доктринальном смысле.

Стратегическая проблема Китая состоит в том, что свое лидерство он может осуществить только во взаимодействии, пусть и конкурентном, с существующими глобальными лидерами и другими ориентирующимися на них странами при отказе от противодействия им. И чтобы иметь успех, Китай должен будет предлагать новые идеи, приемлемые для остального мира.

Главным глобальным экономическим инструментом продвижения интересов Китая является концепция «Один пояс, один путь» (включает Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века), главная цель которой за счет инвести-

ций в инфраструктуру многих стран мира создать площадку для выхода китайского капитала и китайских товаров за рубеж, а также загрузить китайские мощности в условиях, когда внутренний спрос не обеспечивает полного спроса на производимую продукцию (Griffiths, 2017, p. 260).

В проекте Шелкового Пути (ЭППП) окончательно закрепляются политическая и военно-политическая составляющие. Пекин намерен проводить глобальный Форум (первый Форум состоялся в мае 2017 г.) по этой теме раз в два года, создавая тем самым регулярную площадку политического общения с лояльными Пекину мировыми лидерами и участниками «Пояса и пути». Преимущество такого формата по сравнению с другими (ШОС, БРИКС, АТЭС, АСЕАН и др.) Пекин усматривает в том, что он будет полностью опекаться Китаем, а повестка дня встреч высшего уровня – формироваться Пекином.

Вместе с тем не все страны приветствуют новые направления развития данной инициативы. На майском форуме 2017 г. ведущие страны ЕС (Германия, Франция, а также Великобритания) отказались от подписания предложенной Пекином итоговой резолюции, обвинив китайскую сторону в «неправомерных действиях» в отношении Восточной Европы. По мнению европейцев, инвестиционная активность Китая в Восточной Европе «не учитывает интересов ведущих стран ЕС». Такого рода политические демарши негативно скажутся на общей политической атмосфере реализации инициативы ЭППП.

Китай, придумав и предложив миру свои концепции, Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века, рассчитывает на то, что страны будут принимать его инвестиции в развитие своей инфраструктуры и делать китайский капитал более

привлекательным, а также на доступ к экономическим площадкам. Не случайно, что в стратегическом смысле эти концепции не ограничиваются железнодорожной колеей и автомобильными дорогами, но подразумевают создание экономических кластеров развития (Wang Yiwei, 2016, p. 214).

С 2013 г. Китай постоянно расширяет географию действия концепции «Один пояс, один путь», в том числе за счет Новой Зеландии, Африки и Австралии. Африка занимает особое место в китайской инициативе «Пояса и пути»: во-первых, как регион-реципиент китайских инфраструктурных проектов, во-вторых, как территория базирования китайских военно-морских подразделений для защиты маршрутов, реализуемых в рамках построения Морского Шелкового пути XXI века (Li Xing, Farah, 2013, p. 222).

Однако конкретных экономических проектов для продвижения китайской инициативы, таких, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд «Шелкового пути» и Банк развития БРИКС, немного. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что отток капитала из Китая приводит к сокращению инвестиций в проекты Шелкового пути. В настоящее время в проекте «Один пояс, один путь» участвуют более 100 стран, с 40 государствами из которых подписаны соглашения о сотрудничестве. Среди достижений можно отметить, что к концу 2016 г. объем инвестиций в эти страны превысил 18,5 млрд долларов США, а также было создано 180 тыс. рабочих мест¹. Вместе с тем уже в январе-феврале 2017 г. объем китайских прямых инвестиций в нефинансовый сектор зарубежных стран со-

кратился на 52,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года².

Одновременно с этим отмечается негативная тенденция, при которой китайские компании инвестируют в непрофильные для себя направления, например покупки китайскими компаниями зарубежных футбольных клубов. Кроме того, «многие китайские компании под видом инвестирования за рубежом в нарушение законов выводят на иностранные счета средства и скупают иностранную валюту»³.

В целом китайскому проекту «Пояса и пути» не хватает институционального оформления. В погоне за подтверждением своего лидерства в глобализации Китай сам же размывает повестку дня. Постепенно проект превращается в «китайскую мечту». Большая часть партнеров до сих пор не понимает, что такое «Пояс и путь». Это порождает завышенные ожидания, которые могут быстро смениться разочарованием. Например, представители стран Латинской Америки характеризуют проект «Пояс и путь» как универсальное лекарство от всех «экономических болезней».

В настоящее время появляется два четко обозначенных лагеря: с одной стороны, недостаточно развитые малые страны (например, в Восточной Европе), которые воспринимают китайский проект в качестве беспрепятственного получения дополнительных инвестиций, с другой – индустриально развитые страны, которые в целом поддерживают проект, но с оговорками. Отсутствие идеологии, в свою очередь, оставляет нерешенным вопрос:

1 В Китае создан Союз зон международного сотрудничества в области производственных мощностей в рамках «Пояса и пути». URL: http://russian.news.cn/2017-03/26/c_136158929.htm (Дата обращения: 26.06.2017)

2 Экономическое обозрение: Китай в этом году может выйти из числа чистых экспортёров капитала. URL: http://russian.news.cn/2017-03/27/c_136162086.htm (Дата обращения: 26.06.2017)

3 Там же.

как стремление Китая к поддержке глобализации сочетается с наличием внутренних ограничений внутри страны, таких, как Интернет, денежный оборот и протекционизм?

В связи с выходом США из ТТП первой попыткой Китая стать лидером глобализации была идея возврата к созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) в АТР. Однако без участия США в данном проекте он вряд ли способен осуществиться, ввиду опять же отсутствия конкретных предложений. Другим вариантом является создание Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) на базе АСЕАН. Здесь по сравнению с Транстихоокеанским партнерством заложена более простая интеграционная схема, которая больше ориентируется на таможенные тарифы, а не на стандарты, инвестиции или защиту интеллектуальной собственности, как в случае с ТТП. Однако у стран – участниц РВЭП сохраняются опасения по поводу китайской экспансии (Basu Das, 2014, p. 57). Сохраняется и третий вариант – возврат к переговорам о зоне свободной торговли между Китаем, Японией и Южной Кореей. Но в данном случае воплощение этой идеи в жизнь затрудняется китайско-японскими и японо-южнокорейскими политическими противоречиями (Dittmer, Ngeow Chow Bing, 2017, p. 300).

Китай проявляет осторожный интерес к ТТП, но пока только присматривается к возможности взять на себя роль лидера. Выступая в качестве региональной державы, Китай больше всего заинтересован в разрешении конфликтов вокруг Северной Кореи и в Южно-Китайском море. Пекин, впрочем, не готов брать на себя конкретные обязательства, хотя Китай и страны АСЕАН формально согласовали основные положения Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море.

Однако страны АСЕАН неоднозначно реагируют на китайские действия в Южно-Китайском море. В данном случае было бы интересно взглянуть на позиции Филиппин и Вьетнама. Филиппины, как представляется, ведут тройную политику по отношению к Китаю. На уровне президента Р. Дутерте считается, что Китай – это друг, хотя на уровне армейской верхушки по-прежнему придерживаются другой точки зрения. МИД и правительственная бюрократия маневрируют между этими подходами. Вьетнам, в свою очередь, заинтересован в торговле и финансовой помощи со стороны Китая, но боится попасть в экономическую зависимость от Пекина. Ситуация в Северной Корее характеризуется отсутствием перспективных идей решения ракетно-ядерной программы Пхеньяна, а также стремлением Китая переложить вину и ответственность на США.

В военной сфере Китая также заметна активизация. Речь идет об испытаниях баллистической ракеты с десятью разделяющимися боеголовками, которые рассматриваются в Пекине как серьезный шаг на пути укрепления стратегических сил, модернизации военно-морского флота и увеличении в 5 раз (до 100 тысяч человек) численности морской пехоты (Geostrategy-Direct, 2017, p. 16). Строятся планы по созданию морских баз в Джибути, Гвадаре, Брунее, Омане, Шри-Ланке, на Мальдивах, что усиливает подозрения в отношении Китая у стран АСЕАН, Индии и Японии. Одновременно с этим Китай заявляет, что усиление его ядерной мощи и военно-морских сил не несет никому угроз: все это происходит на фоне общего сокращения вооружённых сил на 300 тыс. человек, а рост военных расходов остается ниже 10-процентной отметки (7%).

Несмотря на разногласия между Китаем и США, Вашингтон по-прежнему

остаётся главным партнером Китая в деятельности по реализации китайского глобального лидерства (Во Zhiyue, 2017, р. 304). В двусторонних отношениях острыми остаются такие темы, как претензии Вашингтона к Пекину по «манипулированию валютным курсом», «рыночной закрытости», стремлению к военному доминированию в Южно-Китайском море, секретности данных о ядерном потенциале, недостаточному взаимодействию по Северной Корее, а также претензии Пекина к Вашингтону по вопросам ПРО в Южной Корее и военной активности США в Южно-Китайском море⁴. Немаловажной остаётся проблема, касающаяся того, под чьим лидерством будет осуществляться формирование архитектуры торгово-экономических отношений в АТР.

Рассматривая американо-китайские отношения в контексте глобального лидерства, важно отметить, что в американском экспертном сообществе существует мнение, что у Китая иное, отличное от США представление о суверенитете, а именно скептическое отношение к мировым политическим и экономическим институтам, нормам и принципам международных отношений, созданных без его участия (Алексенкова, 2015).

Китайско-американский саммит на высшем уровне, состоявшийся в апреле 2017 г., не привел к прорыву в двусторонних отношениях. Его можно считать успешным в плане создания новых диалоговых каналов общения между китайским и американским руководством. Однако вопрос о том, каким содержанием и с какой тональностью эти каналы будут наполняться, оста-

ется открытым. Варианты сближения или конфронтации Китая и США по-прежнему остаются как почти равновероятные. Однако сам факт создания новой атмосферы и новой инфраструктуры китайско-американских отношений позволяет утверждать, что это «почти», скорее, в пользу сотрудничества, хотя по-прежнему и конкурентного, чем конфронтации⁵.

Вероятно, в среднесрочной перспективе Китай не заменит США как глобального лидера, но укрепит свои позиции в качестве нового центра экономического мира и займет место одного из военно-политических центров. Экономика продолжит играть ведущую роль во внешней политике Китая. Пекин едва ли сможет сформулировать новую идею глобального развития, но необходимость развития ЭПШП будет стимулировать его строить хорошие отношения с соседями и странами – участниками проекта. Будут выровнены отношения с Японией, Южной Кореей и некоторыми странами АСЕАН, так как Китай будет заинтересован в демонстрации доброй воли для успешной реализации проекта. В то же время японские и южнокорейские компании, скорее всего, примут участие в реализации проекта «Пояс и путь».

В целом пространство ЭПШП не станет стремиться к жесткому наднациональному регулированию, в то же время его реализация будет способствовать взаимопроникновению национальных экономик. Структура ЭПШП останется гибкой, опираясь на принципы проектного финансирования и последующего

4 Михеев В.В., Луконин С.А. Китай: «глобальное лидерство» как ресурс борьбы за власть. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3006 (Дата обращения: 29.08.2017)

5 Михеев В.В., Ломанов А.В., Луконин С.А. Саммит Китай-США. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3074 (Дата обращения: 03.07.2017)

сближения норм регулирования отдельных стран. Реализация проекта при эффективном переговорном процессе со странами-участницами будет являться драйвером не только китайской экономики, но и экономик стран – участниц проекта.

В среднесрочной перспективе проект «Пояс и путь» может быть реализован с ограничениями. При реализации проекта возникнет сеть двусторонних договоров и зон свободной торговли, однако полноценное интеграционное объединение создано не будет. Китай не пойдет на формирование союзнических отношений с другими странами, но будет пытаться завоевывать симпатии и поддержку финансовыми вливаниями и постепенным наращиванием активности по решению региональных или глобальных проблем.

России в новой стратегии глобального лидерства Китай отводит двоякую роль. С одной стороны, китайские руководители на самом высоком уровне продолжают говорить о сегодняшних отношениях с Россией как о наилучших за всю историю. Но в то же время Китай не предполагает обсуждения и координации с Россией своих шагов по обеспечению глобального лидерства, будь то военная активность в Африке или нормализация отношений с США, которая может происходить и без учета российских интересов. В двусторонних отношениях отсутствуют механизмы обсуждения того, какие риски и вызовы для России могут содержать те или иные шаги Пекина по обеспечению своего глобального лидерства. Проблемные моменты очевидны. Расгущая вероятность попадания в экономическую зависимость от Китая (выполнение условий, следование китайским стандартам, использование китайских технологий и материалов и т.д.), а также безальтернативная политическая поддержка Китая в АТР против США могут создать ненужные до-

полнительные сложности в отношениях Москвы и Вашингтона, особенно на фоне попыток их нормализации. Позиция Китая по Сирии показала, что Пекин выстраивает отношения с Вашингтоном по собственной логике и пока не готов активно вмешиваться в сирийский конфликт.

Товарооборот России с США на порядок меньше уровня китайско-американского экономического сотрудничества. Интересы Москвы в регионе Южно-Китайского моря незначительны. По Тайваню она занимает прокитайскую позицию. Единственной сферой потенциального подключения России к взаимодействию Китая и США остается северокорейская проблема, где принципиальные позиции по недопустимости обладания Пхеньяном ядерным оружием полностью совпадают, но представления о том, как это сделать, расходятся. Вместе с тем в стратегическом контексте настораживающим выглядит тренд последнего времени: нарастающее отчуждение американского истеблишмента от России. Для многих его представителей Москва уже является более неудобным игроком, чем Пекин. Последствия этой реальности требуют особого осмысления.

Список литературы

Алексеев Е.С. (2011). Глобальное лидерство Китая: взгляд из США. *Вестник МГИМО университета*, (2), 56–63.

Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатьев С.В. (2017). Китай: фактор съезда и фактор Трампа. *Мировая экономика и международные отношения*, 61 (6), 23–32.

Abrami R.G. Kirby W.C., McFarlan F.W. (2014). *Can China Lead? Reaching the Limits of Power and Growth*. N.Y.: Harvard Business Review Press. 288.

Basu Das S. (2014). *The Political Economy of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and the Trans-Pacific Partnership (TPP) Agreements: An ASEAN Perspective*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies. 57.

Bo Zhiyue. (ed.). (2017). *China – US Relations in Global Perspective*. Wellington: Victoria University Press. 304.

Canrong J. (2014). *Prosperity in China: International Responsibility and Opportunity for a Growing Power*. N.Y.: McGraw-Hill Education. 224.

Delisle J., Goldstein A. (eds.). (2017). *China's Global Engagement: Cooperation, Competition, and Influence in the 21st Century*. Washington: Brookings Institution Press. 448.

Dittmer L., Ngeow Chow Bing. (eds.). (2017). *Southeast Asia and China: A Contest in Mutual Socialization*. London: World Scientific Publishing Company. 300.

Griffiths R.T. (2017). *Revitalising the Silk Road: China's Belt and Road Initiative*. Leiden: Hipe Publications. 260.

Jin Kai. (eds.). (2017). *Rising China in a Changing World: Power Transitions and Global Leadership*. Singapore: Palgrave Macmillan. 192.

Li Xing, Farah A.O. (eds.). (2013). *China-Africa Relations in an Era of Great Transformations*. Burlington: Routledge. 232.

Ma Jiantang. (2017). The Prospect, Features, and Focus of the Chinese Economy Under the New Normal. *Qiushi Journal*, 9 (1). 73–78.

Wang Yiwei. (2016). *The Belt and Road: What Will China Offer the World in Its Rise*. Beijing: New World Press. 220.

Alekseenkova E.S. (2011). China's Global Leadership: a Look from the United State. *Vestnik MGIMO universiteta*, (2). 56–63.

Basu Das S. (2014). *The Political Economy of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and the Trans-Pacific Partnership (TPP) Agreements: An ASEAN Perspective*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies. 57.

Bo Zhiyue. (ed.). (2017). *China – US Relations in Global Perspective*. Wellington: Victoria University Press. 304.

Canrong J. (2014). *Prosperity in China: International Responsibility and Opportunity for a Growing Power*. N.Y.: McGraw-Hill Education. 224.

Delisle J., Goldstein A. (eds.). (2017). *China's Global Engagement: Cooperation, Competition, and Influence in the 21st Century*. Washington: Brookings Institution Press. 448.

Dittmer L., Ngeow Chow Bing. (eds.). (2017). *Southeast Asia and China: A Contest in Mutual Socialization*. London: World Scientific Publishing Company. 300.

Griffiths R.T. (2017). *Revitalising the Silk Road: China's Belt and Road Initiative*. Leiden: Hipe Publications. 260.

Jin Kai. (eds.). (2017). *Rising China in a Changing World: Power Transitions and Global Leadership*. Singapore: Palgrave Macmillan. 192.

Li Xing, Farah A.O. (eds.). (2013). *China-Africa Relations in an Era of Great Transformations*. Burlington: Routledge. 232.

Ma Jiantang. (2017). The Prospect, Features, and Focus of the Chinese Economy Under the New Normal. *Qiushi Journal*, 9 (1). 73–78.

Mikheev V.V., Lukonin S.A., Ignat'ev S.V. (2017) China: Congress Factor and Trump Factor. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61 (6). 23–32.

Wang Yiwei. (2016). *The Belt and Road: What Will China Offer the World in Its Rise*. Beijing: New World Press. 220.

References

Abrami R.G. Kirby W.C., McFarlan F.W. (2014). *Can China Lead? Reaching the Limits of Power and Growth*. N.Y.: Harvard Business Review Press. 288.

Информация об авторах

Василий Васильевич Михеев, академик РАН, доктор экономических наук, заместитель директора, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
mikheev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-6844-3196

Сергей Александрович Луконин, кандидат экономических наук, заведующий, сектор экономики и политики Китая, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
Lukonin.SA@rea.ru
ORCID: 0000-0002-8120-0420

Сергей Владимирович Игнатьев, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23

About the Authors

Vasily V. Mikheev, Academician of Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
mikheev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-6844-3196

Sergey A. Lukonin, Cand. Sci. (Economics), Head of Section of Economy and Politics of China, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
Lukonin.SA@rea.r
ORCID: 0000-0002-8120-0420

Sergei V. Ignatev, Junior Research Associate, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997